

О.И. Северская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

«СЫР, СЪЕДЕННЫЙ В МЫШЕЛОВКЕ»: САТИРИЧЕСКИЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК НОВЫЙ МЕДИАЖАНР (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММ В. ШЕНДЕРОВИЧА)

Статья посвящена анализу сатирических информационных программ В. Шендеровича в сравнении с его публицистикой и с традиционными формами фельетона и памфлета. В статье рассматриваются используемые в сатирическом представлении новостей способы передачи имплицитной информации: эвфемистические номинации, смысловые и лексические повторы, обращения к пословицам и поговоркам, крылатым словам, литературным и культурным прецедентным текстам, диссонанс текста и контекста, иронический модус подачи материала.

Ключевые слова: Виктор Шендерович, сатира, фельетон, памфлет, медиажанр, информационная программа, имплицитная информация, ирония.

This article analyzes satirical news programmes of V. Shenderovich compared to its journalism and traditional forms of feuilleton and pamphlet. The article deals with used in a satirical view of the news ways to transfer implicit information: euphemistical nomination, semantic and lexical repetitions, proverbs and sayings, winged words, literary and cultural precedent texts, the dissonance between text and context, the ironic mode of presentation.

Keywords: Viktor Shenderovich, a satire, feuilleton, pamphlet, media genre, news program, implicit information, ironical modality.

В ПОСЛЕДНИЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ в российском медиапространстве наряду с традиционными формами информационного вещания начинают распространяться их «смеховые» трансформации, от откровенно развлекательных¹ до сатирических, наследующих жанры фельетона и памфлета, — как на радио², так и на телевидении³. Востребованность сатирических жанров некоторые исследователи [1] объясняют тем, что для развития

демократического общества необходимо критическое осмысление происходящего, а эти жанры предлагают адресату особую эмоциональную критику существующих «положений дел», пробуждая у него чувство превосходства над «злом», но не просто «смешат», а требуют сознательно-активного восприятия, поскольку комическое всегда обращено к разуму. Другие же [2] вспоминают о том, что тактики высмеивания и абсурдизации установленных иерархий посредством пародии и карнавальной инверсии, тактики травестирования используются для формирования недогматичного политического послания с опорой на имплицитные «общие места», — послания протестного, но высказанного в форме, облегчающей «уход от репрессий».

Пожалуй, наиболее ярко в новом жанре проявил себя профессиональный писатель-сатирик и публицист В. Шендерович, начав со сценарной работы в проекте «Куклы» (НТВ, с 1995 г.), а затем перейдя к авторским проектам: программе «Итого», информационной пародии на еженедельные «Итоги» (НТВ, 1997–2001 гг., ТВ-6, 2001–2002 гг.), информационно-фантастической программе «Помехи в эфире» (ТВС, 2002 г.) и информационно-паразитическим «Бесплатному сыру» (ТВС, 2002–2003 гг.) и «Плавленому сырку» («Эхо Москвы», 2004–2008 гг.)⁴.

Главные принципы своего сатирического медиа творчества В. Шендерович сформулировал в программе «Все свободны» (радио «Свобода», 2003–2009)⁵, выступив однажды в роли интервьюируемого, а не интервьюера (эфир от 10.05.2003):

¹ Примером таких жанров, в какой-то степени имеющих в основе некие «информационные поводы», но не дающих их сатирического осмысления, можно назвать шоу Ивана Урганта «Вечерний Ургант» и предшествующий ему «Прожектор Перестройки».

² Например, «Табель о рангах» А. Ореха (с 1997 г.) и «Радиодетали» А. Ореха и Н. Александрова (с 2001 г.) на радио «Эхо Москвы».

³ Например, реплика-фельетон «Однако» М. Леонтьева (с 1999 г.) на Первом канале.

⁴ Архив этих программ доступен по ссылке «Медиа» на сайте В. Шендеровича: www.shender.ru; там же можно найти и его публицистические произведения, письма и афористичные «шендевры». ⁵ Например, реплика-фельетон «Однако» М. Леонтьева (с 1999 г.) на Первом канале.

⁵ Архив доступен в Интернете: archive.svoboda.org/programs/shen/.

- не так важно, как это было на самом деле, а важно, как это называется (т.е. концептуализуется и интерпретируется);

- адресат волен понимать, что слышит, но волен также понять, что говорится;

- очень важен момент совпадения текста и контекста⁶.

В этом же интервью В. Шендерович объясняет и свой выбор иронического модуса для высказываний о политике, замечая: *«Да, есть свободные каналы, но это развлекательные каналы. Вот это гетто, вот этот загончик небольшой... даже не гетто, а это площадка молодняка такая — вот там можно резвиться, веселиться и там есть огромнейшая свобода, там делай что угодно. <...> Но все информационное телевидение и информационное радио федеральное абсолютно подконтрольно государству, даже по формальным признакам. И это, с моей точки зрения, очевидно отражается на содержании этих программ»* (курсив мой — О.С.). Таким образом, в условиях контроля над СМИ установка на инфотеймент [3. С. 66; 4. С. 116] и карнавальные формы протеста [2. С. 47, 49–50] оказывается вынужденной и единственно правильной, обеспечивающей максимальное влияние на аудиторию.

В программе «Все свободны», как и других своих публицистических произведениях, — например, в блогах и комментариях, или в «Особом мнении» на радио «Эхо Москвы», — В. Шендерович серьезен, позволяет себе лишь мягко шутить⁷. Его реплики и комментарии звучат резко, но без ерничества. В заметке «Юбилейчик, однако» (13.06.2015) В. Шендерович, отмечая двадцатилетие уголовного преследования программы «Куклы», пишет: «Сегодня, из путинской перспективы, та уголовка окрашивается в ностальгические тона, но тогда было не смешно. <...> Но времена стояли относительно демократические — администрацию вывалили в дегте и перьях, и они быстро поняли, что свалили дурака, и через полгода отползли, сделав меня телезвез-

дой аж на восемь лет... <...> Хорошие были времена. То есть времена были очень противные, но хоть пендаля им можно было пробить по коллективной заднице, тварям...». В записи блога «Как держать ружье в случае ядерного взрыва» он рассуждает о перспективах «реальной сверки возможностей нашего механизированного Шойгу с возможностями блока НАТО», авторскую оценку выражая цитированием анекдотов — и того, что упомянут в заглавии, и ставшего эпиграфом: «Бессмертные все вымерли. Остались одни долгожители». Как видно из приведенных примеров, ирония здесь скорее служит смягчению серьезности высказываний и самого обсуждаемого предмета, чем является особой дискурсивной практикой.

Впрочем, даже в таких «сдержанных» текстах используются те же приемы, что и в «памфлетах», выявляющих логические связи между фактами и использующих в основе своей инвективные сатирические обличения.

Так, в заметке «Страна казенная» (05.10.2015) заглавие соотносится с заключительной цитатой из Чехова «Россия — страна казенная», тоже из «записных книжек», аналога современных блогов. Тем самым образуется рамочная конструкция, обеспечивающая «связь времен» и подчеркивающая представление о том, что со временем в России ничего не меняется. В эту рамку помещаются истории: одна тут же превращается в несколько (т.е. неопределенное количество, множество⁸), каждая из которых — очередной диагноз стране. Реально же рассказанных историй — две: обычная (такая, как всегда, привычная), в которой главным действующим лицом является государство (на оцифровку уникальных фотографий у государства денег не нашлось, когда же за это взялись энтузиасты, «госслужащие попросили позолотить им ручку из расчета 5 тысяч рублей за скан»), и феноменальная (редкостная, необычная, исключительная, выдающаяся), в котором уже действует общество (а именно «тетушки, сидя-

⁶ Текст интервью в архиве: <http://archive.svoboda.org/programs/shen/2003/shen.100503.asp>. Первый принцип выводится из пикировки со слушателем, представившимся Николаем Павловичем: «Вы представляете, в общем, ту прессу, которая приняла очень активное участие в том, что вы называете путчем, а я называю неудачной попыткой отстоять в России конституционный строй. — Вы это называете попыткой восстановления конституционного строя. Это тоже довольно своеобразное было восстановление. И тоже расчет был, видимо, на то... Это такая классика, знаете, когда не так важно, как это было на самом деле, а важно, как это называется. <...> Вот это теперь у нас называется — расстрел Белого дома. Не будучи сторонником танков в городе и того, как это было сделано, хочу только напомнить, что к моменту танков на Краснопресненской набережной никакого парламента не было, что были расстреляны милиционеры, что это был склад оружия, это был огромный бандитизм, и десятки людей погибли к тому времени и потом погибало от рук этих «парламентариев». И эти «парламентарии» развязывали гражданскую войну». Второй — из диалога с Константином из Санкт-Петербурга: «Я так услышал. Я слушатель, имею право слышать, как я слышу. — Константин, вы имеете право услышать то, что я говорил». Третий — из ответа на один из присланных вопросов: «Очень важный момент — совпадение текста и контекста. <...> И даже когда самые хорошие слова говорят, но их используют не самым чистым образом, — это может принести больше вреда, чем пользы».

⁷ Во «Все свободны» от 10.07.2005 (<http://archive.svoboda.org/programs/shen/2005/shen.071005.asp>) в ответ на реплику своего собеседника, Л. Рубинштейна: «Я видел лицо и манеру говорить Ходорковского, я видел лицо и манеру говорить прокурора. И для меня это много чего значит», В. Шендерович бросает короткое: «Фейс-контроль», имплицитно известную идиому и оставляя слушателям самим догадываться кто его прошел, а кто — не прошел. В «Особом мнении» (28.10.2010) он сообщает, что «на этот раз ушел от переписи населения огородами», и анонсирует свой следующий приход в программу «как полагается, после дождика в четверг».

⁸ Здесь и далее значения слов приводятся по толковому словарю С.А. Кузнецова [5].

щие при входе на раздаче стереоочков для просмотра стереофотографий, выдали их пять штук, а шестому посетителю — не дают. <...> Почему не выдают? А так. <...> Причем даже никакой мзды (см. выше) тетушки не имеют в виду; просто добавили себе полномочий, повысили значимость». И обе истории связаны не только текстовым коннектором (отсылкой к ранее сказанному), но и представлением (подчеркнутым контекстной гипонимией) о вечном российском «административном восторге», который начинает испытывать человек у власти. А к точке зрения обычного человека отсылает вынесенный в эпиграф «шендевр»: «Быки и не подозревают, что дозволено Юпитеру...», но одновременно — благодаря мотивированной сленгом многозначности (бык — человек, пытающийся давить на других) — указывает и на полномочную иерархию «властей предержащих».

В «Открытом письме Евгению Киселеву, бренду и человеку» (12.03.2005) аллюзия к стихам Маяковского позволяет В. Шендеровичу атрибутировать одному «персонажу» сущностную характеристику другого: *дипломатический курьер*, т.е. «лицо, посылаемое с каким-либо быстрым, секретным поручением» (а именно эту функцию исполнял «пароход и человек» Теодор Нетте). А «шендевр» в эпиграфе четко обозначает авторское видение «персонажа» и задает направление интерпретации: «Бывают: в рясе, но с рогами». Отталкиваясь от факта «покупки бренда» (речь о еженедельнике «Московские новости»), В. Шендерович развивает эту тему, говоря уже о «*капитализации оппозиционного бренда* “Евгений Киселев”», о *сложении двух брендов*, связанных с демократическими ценностями (при котором «минус на минус дает плюс», т.е. отрицание существующего «положения дел» оборачивается его утверждением), о *бренде как кляпе* в «открытых ртах», провозгласивших было свободу слова... Лексико-семантический повтор помогает извлечь из подтекста представление о *продажной журналистике*, акцентировав понятие *бренда* как торговой марки и превратив присущую слову положительную оценочность в отрицательную. Это и помогает адресату текста солидаризироваться с автором в выводе: «Знаете, в чем главная проблема российской демократии? Не в Путине, и не в чекистах вообще, и не в номенклатуре... Главная проблема — в том, что с *демократией и ее ценностями в общественном сознании начинают ассоциироваться* такие *двумысленные люди*, как Вы» (курсив мой — О. С.).

Как можно заметить, автор во всех приведенных случаях вписывает в свой текст так называемые «прагматические инструкции», облегчающие доступ к актуальным текстовым значениям: «специально говорю таким необычным образом; хочу, чтобы ты понял, что

я этим собираюсь сказать» [6. С. 131]. Репертуар таких «инструкций» весьма разнообразен в пародийных информационно-фантастических программах В. Шендеровича.

В телевизионных программах в резонанс входят вербальный и визуальный коды. Особенно это заметно в информационно-фантастических «Помехах в эфире»⁹. Формулируя свое коммуникативное намерение «дать отдохнуть от политики», В. Шендерович лукавит, поскольку, обращаясь к реальным политическим новостям и используя документальные кадры, он с помощью текстового комментария вовлекает зрителя в политику, заставляя его сделать вывод об абсурдности политической реальности и отражающей ее медиакартины.

Например, в одном из выпусков «Помех» (27.07.2002) сообщается: «В середине июня случилось долгожданное событие: *Соединенные Штаты Америки признали Россию страной с рыночной экономикой*. Весть об этом вмиг пронеслась по Отчизне, которая *давно жила с рыночной экономикой непризнанно, то есть практически в грехе*» (курсив мой — О. С.). Затем рассказ о «празднике, начавшемся в трудовых коллективах, школах и организациях и выплеснувшимся на улице» щедро иллюстрируется кадрами уличных карнавалов и костюмированных шествий, народных танцев, к которым присоединяются и политики — сторонники рыночных реформ, «картинка» соотносится со здравицами в честь Конгресса США. Следующая новость — о походе военных во власть, а вернее, об укреплении силовиками гражданских институтов и встречном движении гражданских лиц в силовые структуры — уже получает фантастическое продолжение: в руководство ФАПСИ волей автора отправляется «человек с абсолютным слухом» — Ю. Башмет, на должность главного интенданта Министерства обороны назначается Ф. Киркоров, а руководить бронетанковыми войсками предлагается Л. Зыкиной. В видеоряде используются «синхроны» реальных персонажей — с цитатами, вырванными из контекста, что создает впечатление абсурдной реализации образов. Новость о мерах по борьбе с экстремизмом сопровождается сообщением о возможном расширении списка запрещенных авторов — включением в него Пушкина, некоторые строки которого вызывают особенно «тяжелые чувства», например, посвященные «законно избранному государю»: «Правитель слабый и лукавый, Плешивый щеголь, враг труда, Нечаянно пригретый славой, Над нами царствовал тогда...» От прародителя современного русского языка автор переходит к радательнице о его судьбах: Л. Путиной, возглавившей Фонд поддержки русского языка, в том числе и потому, что ее муж «из-за несовершенства родной речи порой вынужден обращаться к слушателям на других языках», подтверждением чему становится видеофрагмент речи В. Путина в Бундестаге на немецком языке.

⁹ Архив доступен в Интернете: <http://www.shender.ru/noise/>. Аналогом этой программы в радиоэфире можно назвать «Радиодетали» А. Ореха и Н. Александрова, с той разницей, что в них нет ничего фантастического: приводятся только реальные факты, впечатление абсурдности происходящего создают подводки и верстка [7].

«Что было» сохраняется, а вот «как было» показывает противоречащий видеоряду авторский текст: теряя, на первый взгляд, связь с контекстом, он превращается в подтекст новостей.

В «Помехах» доводится до абсурда все, в том числе обязательные в телепрограммах рекламные блоки. В рассматриваемом выпуске, в частности, появляется щедро иллюстрируемое видами московского Кремля рекламное объявление: «Вы хотите жить в престижном районе, поблизости от воды и в окружении солидных соседей? Специальное предложение — недвижимость в центре Москвы. Комплекс «Рубиновые звезды». Два гектара, кирпичный забор, евроремонт, развитая структура, круглосуточная охрана. Любое метро в пяти минутах езды на транспорте со спецсигналом, полчаса до Рублево-Успенского шоссе. <...> Количество предложений ограничено. Питерская прописка обязательна». А вслед за ним — реклама ОАО «Генеральная прокуратура»: «Десять лет на рынке преследований по закону. Официальный дилер Интерпола», с перечислением «широкого спектра услуг» — от составления фоторобота по фотографии до подписки о невыезде в любую страну мира и снятии депутатской неприкосновенности, с обещанием «скидки срока постоянным клиентам» и «амнистии каждому сотому». В этих объявлениях правдиво все, фантастичным выглядит само появление их в эфире.

В. Шендрович, как представляется, в этом случае использует технику пастиша, которая предполагает пародийное сопоставление как минимум двух «текстуальных миров» и ироническое преодоление «авторитета». Кроме того, визуальное и вербальное «цитирование» используется для формирования и выражения авторской оценки: в квазичитатах, замечает Н. И. Клушина [8. С. 110–111], присутствует известная доля достоверности, но общий смысл трансформирован под углом зрения, выгодном интерпретатору, поэтому такие «цитаты» и становятся идеальным средством манипулирования общественным сознанием.

В отличие от фельетонных, т.е. представляющих собой серию высказываний на злободневную тему, высмеивающих какие-то уродливые явления, «Помех», информационно-паразитические программы В. Шендровича поднимаются до уровня памфлета.

Все они строятся по модели СОБЫТИЕ/КОММЕНТАРИЙ (авторский или «газетный», в котором событие предстает в «кривом зеркале») или СОБЫТИЕ/ВЕРБАЛЬНАЯ РЕАКЦИЯ (например, поэта-правдоруба И. Иртеньева). Представление и анонс дается не в информационном, а в публицистическом сатирическом стиле, например, в одном из выпусков «Плавленного сырка» (19.04.2008): «Здравствуйте! В эфире программа «Плавленный сырок» и я, Виктор Шендрович. Чудесной получилась минувшая неделя — столько всего интересного... И машинка времени опять заработала, и государство вступилось за правильного человека, и милиция порадовала взаимопониманием, и вопросы бизнеса снова решались через одно место, и место это, как всегда, было в Кремле... А еще Африка порадовала. Ну, обо всем по порядку».

Инвективный вектор задается грубо-просторечным фразеологизмом *через одно место*, позволяющим автору многое *смешать* — воспользуемся его же эвфемизмом — *с чем-нибудь большим и бесформенным*. Например, одну из «дурно пахнущих» республик: «Теперь — *немножко Чечни*». Или партию парламентского большинства и сделать выводы относительно роли любого ее руководителя: «*Шофер большой дерьмовозки* — работа не самая интеллигентная, но имеющая свои плюсы: например, можно при случае вылить содержимое на соседа. <...> Приворачиваешь тогда к этой парламентской бочке шланг с импичментом на конце и выезжаешь с Охотного ряда в сторону Спасских ворот... Сверху мигалка, внутри *дерьмо*, в глазах решимость. Да и ехать не надо! Главное, чтобы сосед <...> понимал твои *фекальные возможности* и сидел за своими воротами тише воды, ниже травы» (курсив мой — О. С.). По ассоциации в тексте собирается все, что «сильно пахнет», а к золотарю (эта номинация имплицитно подтягивается черное золото — нефть. С концептом воздействия на орган обоняния связывается и имплицитованный фразеологизм «держать нос по ветру»: «стойкое направление ветра поворачивает в правильную сторону самые крепкие носы», а с ним ассоциируется другая импликация — «куда ветер дует»: «президент макнет пальчик в нефть, повертит в воздухе, решит...» (в контексте новостей — кому отдать нефтеналивной терминал на Черном море). Так и проявляется смысл «заголовка» о способе решения вопросов бизнеса.

Работая на грани фола, автор создает номинации-ярлыки типа «чекист-дзюдоист» и использует «обзывалки», основанные на культурных ассоциациях, например, так характеризуя Б. Грызлова: «Последним человеком столь широкого интеллектуального охвата был Иван Александрович Хлестаков, тоже из Петербурга», или называя его «леонардо логики» (вспомним, что Леонардо — это титан эпохи Возрождения) и приводя ее образец: «спикер рассказал делегатам о результатах административной реформы 2004 года <...> сокращали-сокращали, и стало чиновников на полмиллиона больше». В приведенных примерах используется прием эвфемистической замены подразумеваемого глорифицирующей номинацией, как и в следующем случае: «Нургалиев вообще производит впечатление неглупого человека (когда молчит). Но как только он открывает рот, тут-то и становится ясно, что Нургалиев просто умен!». Относя обоих политиков к людям «большого ума», автор сравнивает их высказывания, а затем доводит их до абсурда, связывая с гротескными новостями фантастического «обзора прессы».

К цитате из речи Грызлова: «Противники России никуда не делись, <...> мы инициируем программу антикоррупционных мер», дается авторский комментарий: «Видать, коррупцией нас инфицировали противники России!», а ему в соответствие в конце программы ставится «новость» о наймиках Запада, проникших в Россию: «обнаружена школа диверсантов, в которой готовили дураков и взяточников для работы в орга-

нах власти Российской Федерации». За высказыванием Нургалиева, который «обвинил автовладельцев в провоцировании коррупции среди сотрудников ДПС», после уже приведенной авторской реплики, следует пассаж из «обзора прессы»: «прошел марш протеста работников ДПС против беспредела водителей <...> во время акции ее участники подвергались провокациям со стороны автовладельцев, которые отлавливали старых и больных ГАИшников, отбившихся от шествия, и насильно впихивали им в карманы денежные знаки». В контексте ряда номинаций с общим значением 'знак отличия' (его образуют звезды Героев труда вместо денег голодным шахтерам, звезды Героев России на груди братков Кадырова и Ямадаева, белые гвоздички вместо тумачков демонстрантам) денежные знаки приобретают особое, символическое значение.

Тезис о взаимопонимании милиции, прозвучавший в анонсе, подтверждается следующими ассоциациями: Грызлов и Нургалиев — главы всех ментов, один — в прошлом, другой — на тот день. В интересах первого менты избивают журналиста, собравшего доказательство подтасовки итогов парламентских выборов и подавшего иск в суд, при попустительстве второго — протестующих против милицейского беспредела. Взаимопониманию ментов противопоставляется отсутствие понимания между ними и обществом: «Неформалы, конечно, во всем виноваты сами: не то написали на транспаранте. Ну что им мешало написать: «Спасибо сотрудникам правоохранительных органов», — милиционеры бы тогда их пальцем не тронули». Это противопоставление акцентируется с помощью вопросно-ответной формы, активизирующей внимание аудитории: «Вот вы когда обижаетесь — вы что делаете? Плачете в подушку? А милиционер, когда обижается, он сразу кулаками в рыло!». Героизация милицейской службы отрицается с помощью полемического обращения к прецедентному тексту: «Она опасна и трудна. Но не сказать, чтобы на первый взгляд как будто не видна. Видна с первого взгляда! Бросается в глаза» (по ассоциации с кулаком в рыло в памяти возникает и фразеологизм «дать в глаз»).

Пассаж о том, «как вечерние 54% за “Единую Россию” превратились в утренние 82%»¹⁰, занимает особое место в композиции программы: суд по делу о фальсификации вначале был отложен: «председатели участковых комиссий, умницы, попросту не явились в заседание» (тем самым, заметим в скобках, пополнив ряды людей большого ума), а потом «суд решил,

что никакой фальсификации не было» — «просто вечером посчитали — было 54%, а утром пересчитали — оказалось 82%» (подтверждается народная мудрость: утро вечера мудренее). В этот же ассоциативный ряд (парламентские выборы — фальсификация — жертвы произвола) вписываются новости из Африки — в пересказе автора: «В Зимбабве <...> тамошний черный Чуров просто не стал объявлять официальные результаты выборов. <...> Пока лидеры оппозиции пытались понять, как такое возможно, Мугабе их просто всех арестовал и явочным порядком ввел в стране военное положение»; и в сообщении Daily Mail: «Политики центральноафриканского государства Габон <...> верят, что жертвоприношение ребенка повышает их шансы в победе на выборах» (здесь уже следующая ступень насилия: людей не избивают, а убивают), с последующим комментарием: «Габон — государство нам дружеское и в некотором смысле сосед (я имею в виду рейтинги коррупции). Ну и вообще — много нефти, кругом враги, уровень жизни все никак не вырастет...» Образ Габона как Сургута, но под пальмой, предстает как образ-концентрат (термин А. Н. Тепляшиной [1]), аккумулирующий все образные параллели текста. Иронический «фокус» предлагает читателю «ключ» к тексту.

Ирония делает любое высказывание двупланным: первый план, как замечает Н. И. Клушина, рассчитан на «неискушенных людей, которые понимают речевое сообщение однозначно» [8. С. 198–199], второй же представляет собственно иронию, переносное значение, контрастное по отношению к буквальному, и найти его под силу уже человеку искушенному. Роль подсказок играют эвфемистические номинации, смысловые и лексические повторы, позволяющие «собирать» перекликающиеся фрагменты текста и образы и следовать авторской логике, обращения к общему фонду знаний: пословицам и поговоркам, крылатым словам, литературным и культурным прецедентным текстам, диссонанс текста и контекста. Образно говоря, скрытый смысл и представляет собой тот самый «бесплатный сыр», который адресат иронически окрашенного текста может «съесть», т.е. полностью усвоить, находясь в жестких рамках, своеобразной «мышеловке» текстовой структуры. А сами сатирические программы представляют собой новый медижанр, говорящий о политике в карнавальной форме и обладающий огромным потенциалом речевого воздействия.

¹⁰ Ср. во «Все свободны!» (10.05.2003): «Хотя, знаете, преодоление сложностей — это наша профессия. В последние два часа, насколько я помню, голосования по Владимиру Путину, когда не хватало, там было 44–46%, а потом в итоге получилось 54. Там математики прикидывали, и получалось у них, что в последние два часа за Путина голосовало 108–109% избирателей. Так что нам нет преград ни в море, ни на суше... Я абсолютно уверен, что выборы везде завершатся правильно». Автор выражает свою оценку абсурдной ситуации, прибегая к аллюзии к слогану НТВ первых лет: «Новости — наша профессия», тем самым подчеркивая, что сотворение реальности (а новость — это не только «сообщение о событии», но и «то, что недавно произошло, было принято, сделано и т.п.») — это дело профессионалов, а также с помощью цитаты из «Марша энтузиастов» А. Дактиля и И. Дунаевского, которую проносит, следуя его тексту, «через миры и века».

Литература

1. Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной публицистики. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.
2. Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. — 2010. — № 4 (72). — С. 47–69.
3. Васильева Л. Меню репортера: на первое — инфотеймент, а на десерт — диатриба // «Журналист». — 2008. — №7. — С. 66–67.
4. Лозовский Б. Н. Журналистика: краткий словарь. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004.
5. Кузнецов С.А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. — СПб.-М.: Рипол-Норинт, 2008.
6. Okopień-Sławińska A. Semantyka wypowiedzi poetyckiej (Preliminaria). — Wrocław: Ossolineum, 1985.
7. Северская О.И. «Картина маслом» (элементы инфотеймента в политическом радиодискурсе) // Понимание в коммуникации. Человек в информационном пространстве: сб. научных трудов / под общ. ред. Е.Г. Борисовой, Н.В. Анискиной. В 3-х томах. — Ярославль-Москва: Изд-во ЯРГУ, 2012. — Т.2. — С. 184–190.
8. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. — М.: МедиаМир, 2008.

УДК 070.4

DOI: 10.17223/23062096/4/11

А.Н. Тепляшина

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖАНРОВАЯ МОДЕЛЬ АВТОРСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье рассматривается оптимальная жанровая модель авторской журналистики. Результат анализа жанрового процесса на примере «передовицы» позволяет заключить, что будущее за оценочным, критической направленности небольшим авторским текстом, размещаемым в колонке. Рабочее название в русле традиции мировой журналистики дает имя метажанру. Метажанр аккумулирует в себе признаки других жанров и предоставляет автору творческую свободу. Интертекстуальность, ироничность интерпретации — эстетические принципы авторского медиатекста. Именно такая модель позволяет автору работать над текстом, используя элементы разных жанров, и доставлять интеллектуальное удовольствие читателю с гуманистическим мышлением.

Ключевые слова: авторская журналистика, жанровая модель, трансформация, традиция, метажанр, мышление, интерпретация.

The author speaks about optimum genre model of author's journalism. We analysed genre process on the example of the editorial. The result allows to conclude that the future behind other genre. It will be demanded estimated, a critical orientation by the small author's text, which is located in a column. The working name names a metagenre. It in traditions of world journalism. The metagenre incorporates signs of other genres. The metagenre provides to the author creative freedom. Ironic interpretation — the esthetic principle of the author's mediatext (AMT). Such model allows the author to work on the text. The author can use elements of different genres. AMT gives intellectual pleasure to the reader with humanistic thinking.

Keywords: author's journalism, genre model, transformation, tradition, metagenre, thinking, interpretation.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ возрос интерес к мнению, опубликованному в периодическом издании автором, далеко не всегда являющимся штатным сотрудником редакции. Так, например, из тридцати колумнистов «Газеты.ру» половина является корре-

спондентами других СМИ, а из штатных колумнистов только часть имеет журналистское образование. Таким образом, можно говорить, что авторская журналистика представляет собой сообщество творческих личностей, получивших разные профессии, работающих постоянно либо приглашенных к сотрудничеству, пишущих отклики на злобу дня, комментирующих события, в неканонических, созданных собственной мыслью и талантом жанрах. Процесс возникновения новых жанров стал тенденцией, но в основе своей все авторские жанры восходят к модели метажанра, известного как авторская колонка, завоевавшего популярность, место на полосе и в системе журналистских жанров.

Любой жанр предполагает свою стилистику, то есть систему лексических, сюжетных, метрических, интонационных предпочтений. В историко-литературный период нормативных представлений о жанре эти признаки обычно служат для дефиниции и дифференциации произведений, принадлежащих соответствующим группам. Ситуация меняется, когда жанры начинают взаимодействовать между собой. В этом случае, как правило, обладающий более сильным стилевым полем жанр подчиняет себе менее устойчивые. Но вслед за Б. В. Томашевским скажем: «Мы видим, что никакой логической и твердой классификации жанров произвести нельзя... их разграничение происходит сразу по многим признакам, причем признаки одного жанра могут быть совершенно иной природы, чем признаки другого жанра, и логически не исключать друг друга... В учении о жанрах к вопросу приходится подходить описательно и логическую классификацию заменять служебной, подсобной» [1. С. 165]. Пытаясь дать определение новым жанровым формам, теории испи-